

и въ моемъ воображеніи создавался образъ великаго писателя, котораго я никогда не видѣлъ, кромѣ фотографій, которыя, между прочимъ, мало удовлетворяютъ индивидуальности сходства. Вотъ почему въ моей душѣ создавался портретъ Толстого, по своему, по «Аннѣ Карениной», «Войнѣ и Міру», «Крейцеровой Сонатѣ», «Воскресенью» и тѣмъ произведеніямъ, которыя долго были въ изгнаніи у насъ въ Россіи...

Надо было поѣхать, хотя-бы, взглянуть на великаго писателя и я, недолго думая, изъ Нижняго-Новгорода написалъ второе письмо по адресу графини Толстой, извиняясь и предупреждая ее, что приѣду только взглянуть на Льва Николаевича.

Вслѣдъ за письмомъ, черезъ нѣсколько дней, выѣхалъ я изъ Нижняго въ Москву, а потомъ на Тулу, въ „Ясную Поляну“.

Ночь не смыкала глазъ, все ждалъ послѣдней станціи „Козловка“.

— Засѣлка—Козловка! воскликнулъ кондукторъ.

Схвативъ свой чемоданъ, я очутился на незнакомой мнѣ станціи, столь близкой моему сердцу и моимъ желаніямъ...

Было 6 часовъ утра, 29 мая.

Ко мнѣ подошелъ станціонный сторожъ.

— Куда изволите, баринъ?

— Далеко-ли до «Ясной Поляны»?—спросилъ я.

— Вотъ здѣсь, недалеко,—указалъ онъ рукой черезъ полотно желѣзной дороги. Верстъ пять—шесть, не больше.